

былое и думы

Семен ГЕЙЧЕНКО

Заветы без прощания

СЕМЕН Степанович, люди беспокоятся о вас. А что вас тревожит и заботит, о чем на этом, скажем, переломе своей жизни думаете вы?

— Люди дважды рождаются на свет. В первый раз человек рождается бессознательно, как все живые существа. Новорожденный человек ничем не отличается от теленка, лошади, овцы. Но приходит момент второго рождения, и этот момент и место второго рождения некоторых людей становится квазиисторическими. Если бы не было Михайловского, Пушкин никогда бы не стал великим народным поэтом. Был бы модным поэтом, каким он и был, или еще каким-то. Про Михайловское он сам говорил, что «здесь меня святое providение осенило». Он прожил коротенькую жизнь, но он был Пушкин. Год его жизни равен десяти — пятидесяти годам обыкновенного смертного. А я благодарю ему прожил на свете больше, чем положено.

— Вы связываете свое долголетие с тем, что вторую половину жизни провели в Михайловском? Но разве можно прожить больше, чем тебе отпущено?

— Я смотрю биографию моего дедушки, моего отца, прадедушек по матери и по отцу. Был, что все они жили максимум 80 лет. Я уже писал о том, что давно бы умер, если бы мне не помогал Пушкин.

Иногда говорю себе: Семен, а Семен, ты же лед, тебе уже скоро девятност лет будет, не пора ли и честь знать, не пора ли подумать об этом самом?

— О душе, как раньше говорили?

— Трудно думать об этом. О душе, о своей жизни, о заповеднике, о нынешнем состоянии музейного дела. Я ведь «родился в музее». Я родился в Петербурге, в двух шагах от дворца Марии, петербургского Эрмитажа. И уже в десяти годах был «музейным» человеком. Когда я поступил в гимназию, у меня инспектором был Михаил Михайлович Измайлов, который потом, уже стариком, работал вместе со мной в управлении петербургских дворцов-музеев. Он все время за мной приглядывал — нет, не туда идешь, нет, не так это вещь берешь, нет, надо вот так смотреть! Это он, любивший музейное дело и знавший его, дал мне еще в гимназии толчок к тому, чтобы я поступил в Ленинградский университет на литературно-художественное отделение.

В те времена, когда я поступал, комиссия работала так: молодой человек, вот там лежат фарфоровые вазы, будьте любезны, принесите нам две такие-то вещицы. И если вы хватаете вот так вот, они говорят — нет, он в музейные работники не годится. Или вас просят упаковать скульптуру или картину, а вы делаете это шпалей-валей — значит, вы тоже для музейного дела не годитесь. А кто это определял? Среди других — Федор Иванович Шмидт, академик, Боже мой, какой это был ученый! Как он мыслит! Его когда-то сослали за то, что он высказал мнение, что общественные формации не могут быть бессмертны и придет время, когда коммунизм тоже уступит место новому, неизвестному пока строю. А Николай Петрович Сычев... Какие у меня были учителя! Ни один из них не начинал с того, чтобы сразу касаться науки, хватать ее. Надо сперва научиться входить в науку, изучать введение в науку, а потом называть ее своей. Когда я окончил университет, я сказал, что никогда так не хочу, как поступить в петербургские дворцы-музеи. И поступил.

Таких музейных крыс, как я, мало осталось. Я по войны успел поработать и в Русском музее, в отделе скульптуры, в музее Пушкинского Дома Академии наук, в Военно-артиллерийском и Военно-историческом музеях, в Музее истории Ленинграда, в Царском Селе был хранителем дворцов. И еще до войны приехал сюда, в Михайловское, чтобы налаживать экспозицию.

У всякого музейного работника свой глаз, свое ухо, свой ум, свои подвалы памяти. У каждого человека вообще свой подвал памяти. Только у одного он трех-четыреэтажный, а бывает, у кого десять этажей бывает, у кого и пятнадцать этажей. А бывает, и ничего не бывает.

— Но без ничего в музейном деле и делать нечего?

— Когда музейный работник берет за мемориальный музей, то есть за рассказ о том, что нового открыл в истории человечества этот, скажем, писатель или ученый, — как надо быть осторожным, как надо проверить свои подвалы памяти, как надо правдиво все складывать, чтобы получились трехэтажность, ненужная театральная, трепотня и рок-музейного дела. А оно сейчас бывает в связи с тем, что появилась рок-музыка, рок-поэзия и рок-неизвестно что.

Настоящим музейным работником стать очень трудно. Со мной вместе окончили университет примерно сто человек, а стали музейными работниками на научном уровне не более пяти-шести.

— Да и мемориальные музеи в России появились сравнительно недавно. А такие науки, как пушкиноведение, лермонтоведение, толстоведение, еще очень молоды.

— Они стоят в самом начале своей ипостаси. К чему они привели, еще неизвестно. Сейчас просто подсознательно мы бережем реликвию. Хотя уже начинаем говорить, что реликвию — это кусок психической, физической личности человека, но раскрыть этого еще не можем. Современная наука — много ли она об этом говорит? Но придет время — а оно придет, кланусь бородами пророка! — это будет высокий разговор. И нам еще Толстой и Достоевский, и Мандельштам помогут в строительстве того таинственного мира, к которому мы все стремимся.

— К этому, наверное, очень трудно подойти? И особенно трудно подойти к мемориальным вещам. Сейчас ведь есть музеи всякие. Недавно я лежал в больнице Военно-медицинской академии, где открыт музей камней. Знаете, таких камней, которые извлекают из почек и печени. Интереснейшая коллекция! Но как же это далеко от, скажем, мемориального кабинета Пушкина, где он думал, «что лень предвещает мне готовит? Или рассуждал: «Нет, весь я не умру». То есть, несмотря на то, что буду жив, буду жив, потому что без меня человечество ни развиваясь, ни жить не сможет. Не случайны и такие таинственные стихи, как «Видение». «Пророк». И мы, беря на себя музейную экспозицию, какую ответственность на себя берем.

— Еще бы! Все-таки есть разница между коллекцией крошечных камней и местом, где Пушкин объявлял свое бессмертие. — Если бы все это понимали. Насколько изменились сейчас люди, в том числе — и музейные работники. Они как-то легкомысленны, более смелы, но и более болтливы. Берутся порой за то, за что прежде чем взяться, надо хорошо подумать, посоветоваться, проконсультироваться, поискать. А сейчас очень много таких, кто из рода «хабен ди гезезен», как говорят немцы.

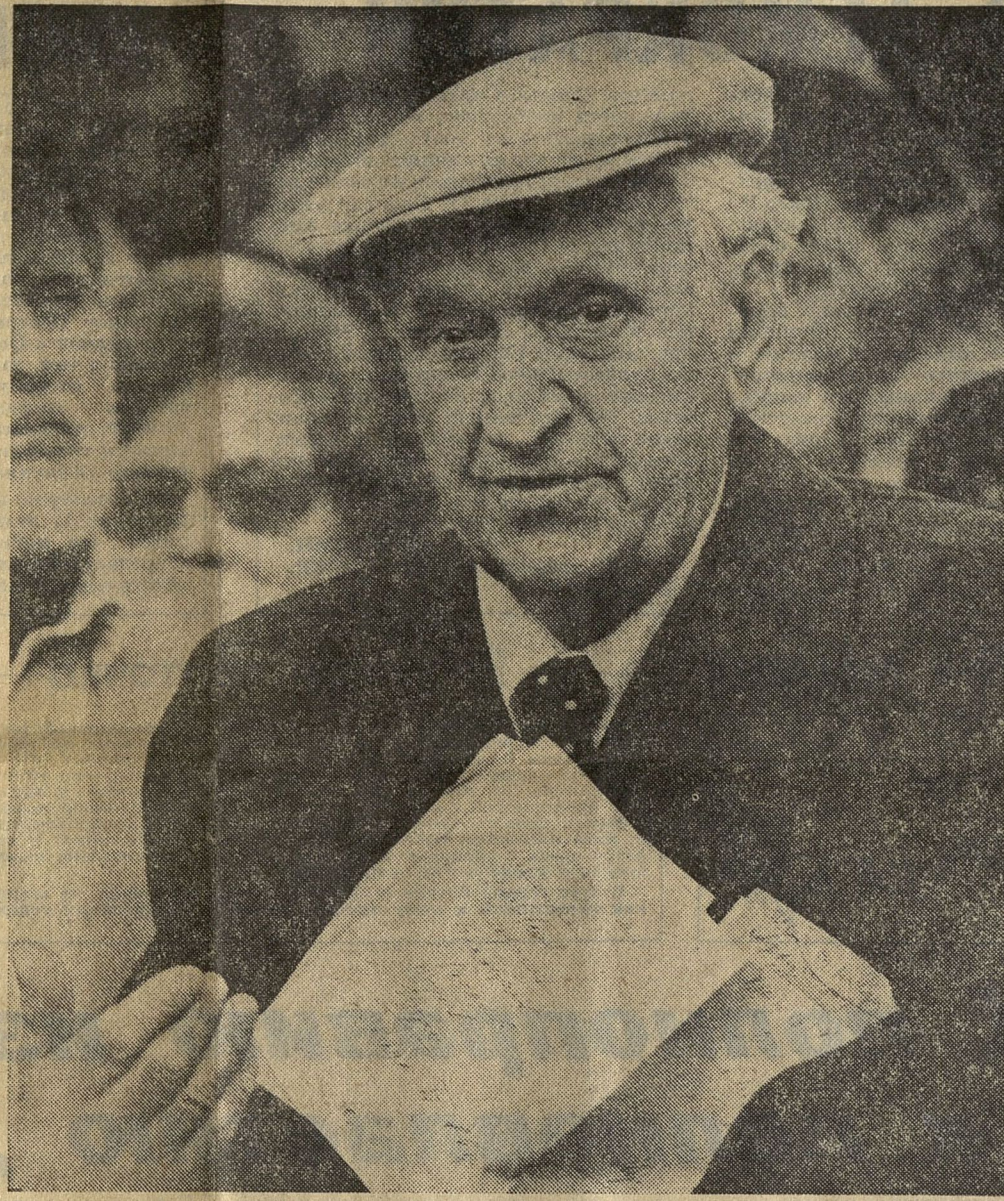
— Что вы конкретно имеете в виду?

— Ну, например, может ли существовать музей без экскурсовода? Для того, что показывать экспозицию, важно абсолютно все — и движения, и интонация, и цитация, словом, все элементы эстетического воздействия, и музыкальность, и молитвенность, и говорливость. К этому надо готовиться. А сейчас человек берет листочек и начинает: «Дорогие товарищи, мы входим в дом, куда Пушкин приехал и написал то-то и то-то...» — и пошел, пошел по писаному, «без божева и вдохновения...» Ну что это такое?

Посетители сейчас очень требовательные, жаждущие «звучок сладких и молитв». Не случайно сегодня идет разговор о церкви, о ко-

Многих читателей «эволювало» сообщение о том, что в августе с поста директора Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина ушел Семен Степанович Гейченко, бессменный с послевоенной поры хранитель Пушкиногорья. Человек, которому мы во многом обязаны возрождению Михайловского, Тригорского, Петровского. Человек, который немало способствовал тому, что мы ощущаем на этой земле пушкинский дух... Люди спрашивают: «Что случилось? Почему ушел Гейченко? Здоров ли он? Не нужна ли помощь?»

Эти вопросы и привели меня в сентябрьский день в Михайловское. И вот Семен Степанович приглашает меня в свой рабочий кабинет. А Любовь Джелаловна принимается готовить чай — так принято здесь, в этом гостеприимном доме. Получился у нас разговор долгий — о жизни и судьбе Пушкина, Михайловского, самого Семёна Степановича и в какой-то мере — о жизни и судьбе нашего народа, нашего Отечества. Многие в этом разговоре видят мне как завет хранителя Пушкиногорья новым поколениям музейных работников. Ибо пронизаны его раздумья мыслью о том, что такое музейное дело, какой самоотдачи, самоотверженности, какой силы и знаний оно требует. Поэтому я постаралась изложить нашу беседу, сохранить живую речь Гейченко такой, какой записал ее диктофон...

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

люкольном звоне, о священниках. Потому что в эпоху вульгарного атеизма мы много такого выжили, что человек такоскопически, накатывало с удивительной осторожностью. Сколько мы уничтожили церквей, в том числе и здесь, и там, и там...

— Только при Никите Сергеевиче, насколько я знаю, примерно две трети церквей было порушено из 60 тысяч имевшихся на Руси...

— А что такое была церковь для простого человека? Для него это была и картинная галерея, где выставляли свои картины великие мастера, и даже Андрей Рублев, Феофан Грек. Это и концертный зал, где душа очищалась пением и молитвой, и музей, где народ хранил и накапливал свидетельства своих радостей и бедоветаний. И тоже в детстве пел в церковном хоре, и все это — в моей душе накопилось, выжило, и мне и потом пригодилось и в моей работе, и помогло в моем творчестве.

— Вы давно уже член Союза писателей, как вы оцениваете свои книги?

— Ну я не горделивый человек, но уж книжку шестьдесят я все-таки написал. О чем? О Николае Втором, о Петре Первом, о русских царях, о фонтанной системе, о дворцовом искусстве, о Ломоносове, о Растрелли, но больше всего, конечно, о Пушкине и о злешних местах. И у меня столько писем, где люди говорят мне спасибо за книги, которым я отдал свою душу.

— Директорской работе в Пушкинском музее-заповеднике вы ведь тоже отдали душу? Тем более удивительно, что вы подали в отставку.

— Все, что бы я ни делал, я делал с позиции святости, с позиции преклонения. И мне трудно смириться с позицией тех людей, которые совсем иначе относятся к делу. Ну упал забор — ну и черт с ним. Кто-то набросал бумажек, окурков — ну и пусть валяются. Я этого не могу терпеть, я это должен тут же убрать. Ведь самое главное в жизни человека — это начало. И если он взойдет в какое-то незнакомое ему место и увидит его обожравшимся, уже никогда он лично, эстетично, полноценно это место не воспримет. И когда диван сломался или кто-то урнул в пруд за бросил — я не могу этого видеть, не могу... Или вот околела. Я считаю, что там всегда должна пасть лошадь.

— Там и сейчас ходит очень красивая лошадь...

— Для Пушкина она была важна. Меня спрашивают: зачем она вам нужна, эта лошадь? Не мне... Она для Пушкина была нужна. Сейчас, когда с меня сняли обязанности директора, меня сделали главным хранителем и консультантом музея-заповедника.

— Я так понимаю — хранителем ауры этих мест, пушкинского духа и воздуха?

— Вот мы тут месяц назад сидели с Михаилом Лудным на крыльце. И вдруг небо спустилось, влага спустилась, и за три минуты прошел какой-то страшный космический спектакль. И за три минуты небесная катастрофа столько надела, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Но ведь для того, чтобы все это убрать, надо, друг мой, иметь силу, иметь хотение, иметь уважение. Хорошо, что у нас пефы — советские войска. С чего мы с ними начали ликвидацию последствий стихии прежде всего? О дорог, которыми идет паломник. Он, может быть, всю жизнь сюда собирался, и вот наконец собрался, и тут случился ураган. Как быть? Значит, прежде всего надо расчистить дороги. Входящий сюда видит то, что вы ему приготовили, что вы для него продумали. И очень важно, чтобы любой человек, а ребенок в особенности, ушел отсюда с прививкой чувств добрых. Вот какой дух здесь надо больше всего сохранять. И, конечно, помнить, что музей-заповедник — это очень сложное явление всех ипостасей природы. Здесь надо хранить и климат, и реки, и озера, и деревья, и траву, и цветы, и землю. Поверьте мне, что и следы Пушкина хранят какое-то эхо, только мы пока не умеем его услышать. Но когда-то человек обязательно изобретет такую аппаратуру, которая поможет ему их услышать. А для этого нужно, чтобы человек совсем иначе стал понимать, что такое безграничность, бесконечность. Пока же надо как можно больше сберечь.

— При таком потоке паломников — до 700 тысяч в год — возможно ли не затоптать пушкинский след на этой земле?

— Пушкин о сотнях тысяч гостей думал ли? Вот в его доме в Михайловском нет ни раздевалки, ни камеры хранения. Там все мемориально. Ликвидировать комнату няни и там сделать «обувалку», что ли? Что важнее? Это невероятно трудная проблема. Поэтому мы должны перенести основные рассказы о Пушкине, а усадьбы, дома, селения, городища можно будет лишь показывать. И тем самым — спасти. Ведь придет время, и потомки нас станут обвинять, что мы грядущим поколениям ничего не оставили.

— Значит, это ваша идея — строительство научно-культурного центра?

— Собственно, еще при Сталине был разговор, что надо здесь построить дворец славы Пушкина, какое-то большое культурное учреждение.

Не получится ли «строительство сейчас центр слишком уж большим? Огромное, трехэтажное здание, да еще когда его оденут в мрамор, так не вписывается в здешнюю природу, эфемерную ауру. По-моему, оно помпезно и чужеродно этим местам.

— Мы в свое время думали о необходимости лаборатории, о необходимости постоянных экспозиций «Мировое значение творчества

Виктор БОКОВ

Из новых стихов

Жили на земле крестьяне,
Похотлив, российский класс.
Нет его на пьедестале.
А ведь он Россию спас!

На одном подворье жили —
Лошди, лошади, быки.
Жили, жили, дожили,
Жизнь им всем была с руки.

И пахали и косили,
И не думали тушить.
Так велел по всей России,
Был царем земли — мужик!

Ладил сохи, ладил грабли,
Плел корзины, туеса.
Недобел, что есть ансамбли,
Пел и радовался сам.

Зрел в немилостливом наиве,
Рос душою из телес.
Знал, что лучше ржи в наличие
Не придумано чудес!

Был двуружен и державен,
Как могучая река.
Безмучный развалил —
Душу вои из мужика.

Нет его! Стою и плачу
В лебеду и чернойбыли.
И от вас тоже не прячу,
Что и сам крестьянин был!

Разоблачили всех и вся,
Достоинств оставил очень мало.
Разрезали, как на пире гуса,
Исторю! И коржат до отвала.

Увольте! Не могу я это есть,
Отвертеть мне тяжелый запах лука.
Я честный человек, и мне не в честь
Всех грязью обливать и улюлюкать!

Все стены у меня в календарях!
Сказали: не имеет это смысла.
А мне — имеет! Для меня горят
Минуты жизни праздничные числа.

Парад Победы! Это что — пустяк?
А двадцать миллионов — это шутки?
А матери, которые не спят
И к шороху из нас дают чутки?

История творится каждый час.
Решительно на все даны ей сроки.
Она подластна каждому из нас,
И каждому из нас дает уроки.

Я не ругаю прошлое свое,
В его оценке не бываю трусом.
Что там ни говори — оно — мое!
И я его не выброшу, как мусор.

Летят, летят ко мне календары
И крыльями в сознание стучатся.
О прошлом плохо, друг, не говори,
Я жила тогда и сам его участник!

Пушкина». «Жизнь Пушкина в псковском крае», «Пушкин в изобразительном искусстве», о кинозале, где можно было бы показывать фильмы о Пушкине и о злешних местах. У меня таких фильмов накопилось десятки, есть даже лента 1911 года и есть фильм, как академик Сергей Иванович Вавилов открывает наш музей, как он говорит, как начинал праздничные поэзии. Мы думали и о необходимости лекционного зала, концертного зала, театрального зала, хранилищ. Тогда, в начале семидесятых, мы встретились с архитектором академиком Чечулиным. Он приехал сюда «окумулировать» в Михайловское. И к нему ездил в Москву. И в начале был создан проект в духе русской классики, русского романтизма. Знание было вроде большого просторного одноэтажного дворянского дома. К сожалению, Чечулин вскоре умер от разрыва сердца. К работе присоединились люди, которые стали якобы обогащать, увеличивать проект, разную «петрушку» делать. Как бышний спорить? Они же считают себя профессионалами. А получились вот что...

Я ДУМАЮ: пусть построят. А потом мы сами будем что-то релактивировать. Залы мы сделали в 1985 году, во время праздника поэзии. Закончить работу строители должны были в этом году. Я считаю: теперь не надо торопиться. Поспешить — людей намешать. Только бы не испортили ничего.

— Не начались бы с этого здания урбанизация Пушкиногорья...

— А ведь вспомнил: Пушкин хотел со временем бросить Петербург, построить себе здесь избу и жить обыкновенным русским мужиком. Он считал, что в этом счастье. Поэтому сегодняшний разговор о том, как надо делать дом для крестьянина, не всегда правильный. Мы вводим некое больше городское, чем следует добавлять в сельскую жизнь. Человек, который живет в деревне, должен стать немножко птицей, немножко кошкой, немножко уткой, немножко рыбой и так далее. Я это серьезно говорю.

— Сможет ли это современный человек?

— Сейчас в окрестности приехало немало москвичей, срубили себе крестьянские избы и живут как мужики, не хотят жить, как горожане. А сами все время учат, как должен жить крестьянин, и обязательно к этому добавляют городские удобства. Сейчас здесь уже человек тридцать таких горожан, у них дома, сады, огороды. Но все же многие стараются сюда не ездить как помещики, а не поселиться постоянно.

— Боюсь, что поступают так не для души — ради моды, ради экзотики, а то и ради престижа: как же — дом в Пушкинских Горах!.. Вам это вряд ли может нравиться, ведь вы уже почти полвека живете в своем доме.

— Ну, я-то сюда приехал поднимать большое дело, которое нельзя было поднять из города или помещичьи наездами. И еще — надо было душу подлечить.

— Для вас ведь годы войны обернулись двойной трагедией. Сначала — лагерь, потом — фронт и тяжелое ранение. Может быть, вы не хотите об этом вспоминать? А мне кажется, нужно. Потому что человек может пройти через самые страшные испытания — и не потерять ни души, ни человеческого обличья.

Что ж, рассказывайте. Сослал меня в сорок первом по доносу одного грязного человека будто бы и ненавистно Советскую власть, превозношу старый строй, люблю старое искусство и не признаю новое, и во время войны на меня полагаться нельзя. Впрочем, следили за мной, оказывалась, давно. И вот как-то раз встретились мы с другом, тоже музейным работником, на Невском, там напротив улицы Губинштейна есть такой магазин художников, где всегда выставляются новые работы. И вдруг видим картины одного энергичного художника, который у нас в Петербурге проходил когда-то практику, и возмущались: «Вот сволочь, смотри, где выставился!» А если работ был портрет Сталина. Пошли мы дальше, а за

нами машина вдоль тротуара. Ясно, как поняли наши слова. И началось следствие. Нашелся еще такой журналист, театровед Борис Мазинг, который написал против меня донос. В общем, по статье 58, пункт 5, отправили меня в Свердловский лагерь. Свердловчане меня до сих пор считают своим...

В Сорок третьем меня освободили и направили в школу преподавать русский язык и литературу, а через полмесяца — на курсы минералогических. В октябре того же года я попал на Ленинградский фронт, а потом на Волховский фронт. Там при освобождении Новгорода меня ранило, искалечило. И уже с сорок четвертого года я оказался на пенсии как инвалид войны. Но товарищи по Академии наук меня не забыли. Они мне, надо сказать, и в тюрьму-то писали. И тут тоже отыскали, спасли, предложили дело. Так я сюда и приехал.

— Тут ведь, в Михайловском, фашисты были в войну?

— Что они тут натворили! Государственная чрезвычайная комиссия была создана из самых умнейших писателей, поэтов, ученых, чтобы сообщить всему миру, что сделали фашисты с заповедными местами. Здесь только блиндажей было двести штук, пятьдесят тысяч мин было заложено, и все надо было восстанавливать.

— В который раз?

— С 1890 года, возникновения заповедника, — в пятый. Были испытания во время гражданской войны. Потом было время, когда все здесь ликвидировали. В 1929 году устроили здесь свиноферму совхоза на пять тысяч голов. Но вот появился на горизонте пушкинская дата — сто лет со дня гибели поэта. Американцы Сталину написали: как, мол, вы там готовитесь, сообщите, мы тоже хотим что-то сделать, теперь и у нас миллион русских. Михаил Кольцов напечатал в «Правде» статью «Чужаки орудут в Пушкинском заповеднике». И тогда свинарник закрыли и переселили все, что осталось, в Академию наук. Потом война. Так что мне пришлось осуществлять послевойенный проект Пшечева по восстановлению заповедника.

— Теперь о том, как подыскать нового хозяина и хранителя, что стал бы также «добрым домовым» Михайловского. Высказываете мнение, и я, признаюсь, его поддерживаю, что, поскольку Пушкиногорский музей-заповедник — достояние всенародное, то и конкурс на должность его директора должен быть всенародным и чтобы присланный с нами порекомендовал у вас поучился. Однако назначен уже состоялся по всем правилам минувших лет: пост занял ваш заместитель по научной части.

— Владимир Семенович Бозырев рядом со мной проработал 37 лет. Ему сейчас 59. Полагаю, что он от меня многое воспринял. Есть и другие надежные люди, настоящие музейники, в чьи руки неопасно передать дело. Например, заведующая Тригорским Галина Федоровна Симаккина. В ней есть заботливость, внимательность, любовь, болезненность переживания всякого несправедливого шага. Я очень уважаю. Был у меня здесь, друг, хранитель музейного фонда Вася Шпинева, я его учил музейному делу. У него появилась дочь, росла на моих глазах, мы с отцом направили ее учиться, высшее образование получать. Теперь она заведует музейным фондом — Елена Васильевна Шпинева. Хранитель Петровского — Борис Кузьмин, тоже человек самоотверженный, в Сибирь бросил место, квартиру, перевез семью, чтобы работать у нас.

Вас попросили остаться здесь и главным хранителем, и главным консультантом. Ведь и теперь в Михайловское едут и к вам.

— Как-то приехала группа американских священников. И одного спрашивают: «Скажите, пожалуйста, вы кто будете?» «Я», — говорит, — митрополит Вашингтона Радзакан. Мне было полтора года, когда меня ударили из Советской страны родители уезжали, а теперь я вот какой старец! Потом у нас с ним был очень интересный разговор. Музейному работнику надо быть готовым и к таким разговорам и, значит, надо знать нашу историю, быть вообще образованным человеком.

Или недавно были болгары, которые работали над проблемой расширения всемирных связей. Мы говорили о том, как душа болгарина связана с русской душой, славянскими корнями, что у нас одно и то же движущее слово. В старой гимназии и в университете нас воспитывали несколько на других языках, чем сегодня. Важным было в первую очередь воспитание души.

Я вот наблюдаю за студентами. К нам приезжал отряд с химического факультета Московского университета. Раньше они относились к этой работе в известной мере с восторгом. А теперь — только бы день, только бы денюжка... И делают все шпалей-валей. Понимаете, какая драма? Как передать тем, кто соприкасается с Пушкиногорьем, дух святости?

Конечно, впереди большая работа — надо делать постоянные экспозиции, надо думать, какие экспонаты должны быть представлены, где их можно найти. Кто это сейчас лучше меня знает? Вот я и буду консультировать.

Семен Степанович, но ведь необходимо время и для творчества? Вы обязательно надо успеть рассказать в своих книгах то, чего никто, кроме вас, не расскажет...

— Я задумал книгу «Гости Пушкина». За девяносто лет существования музея у нас собралось около пятидесяти книг, в которых гости оставляли записки. Здесь есть отзывы членов правительства разных лет, профессоров, академиков, космонавтов. Они пишут свои впечатления, пожелания. И вот написал, скажем, Кончаловский. Или Репин, или Саврасов, или Горький — Сорокоузов, или Дмитрий Кайгородов, или написали Сергей Иванович Вавилов, или маршал Жуков... Каждый из них старался найти в своей душе что-то особенное, неповторимое. Но для того чтобы эти книги создал, мне надо какое-то душевное спокойствие, мне нельзя нервничать, ведь мне уже восемьдесят седьмой год. Поэтому говорю себе: Семен, побереги себя немножко, побереги... — Мы тоже говорим вам — поберегите себя немножко. И все-таки — будьте в Михайловском, будьте всегда...

На прощание С. С. Гейченко подарил мне только что выпущенную на Ленинградский студий грамзаписи пластинку «В гостях у Пушкина», где на одной стороне его воспоминания.

И шла беседа нашей беседы по непониманию тихому Михайловскому. В музее был выходной день. Дышалось после этой встречи легко и приятно, но в воздухе уже была разлита горечь скорых заморозков...

Успеть бы нам всем надышаться присутствием на земле таких людей, как хранитель заповедных мест Гейченко... Может, прибавит и нам мудрости и терпения, прозорливости и ответственности, ума и таланта, чтобы по человечески достойно жить на этой земле в наше трудное время?

В. ПЯНКОВА.
(Наш соб. корр.)

Псковская область.

Фото В. Ковалева.

ОТ РЕДАКЦИИ: через несколько дней после нашего разговора, когда Семен Степанович Гейченко уже уходил на пенсию, в Министерстве культуры РСФСР состоялась заседание коллегии, на котором присутствовали представители Союза писателей СССР, первый секретарь Пушкино-

Горского райкома партии А. С. Миничков, Симонов служения русскому искусству и культуре назвал министр культуры РСФСР Ю. С. Мелетинский, многолетний, достойный подражания, подвизнический труд С. С. Гейченко. В этот же день состоялась встреча и беседа Семёна Степановича с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР А. В. Власовым. Мы можем быть уверены, что традиция, заложенная С. С. Гейченко в Пушкиногорье, будет продолжена в делах новых поколений энтузиастов, ученых, подвизников...